

Атомная Сильва из запретного города

Число 14 - 2001 - 14 марта - 910.

В Москву прибыла оперетта с невидимой стороны Земли

Когда все деньги в стране куда-то делись, среди исчезнувших вместе с ними понятий оказалось красивое слово «астролябия». Театры ставили домоседы, Москва забыла о существовании культурной провинции. И вот наконец прибыл театр с оркестром, балетом, хорами, солистами, семью спектаклями в отчаянной дирекции. Первой ласточкой оказалась оперетта — традиционная, с перьями, простаканами и субретками. Что интересно: оперетта из neglected закрытого города, название которого произносили шепотом, — «Свердловск-44». И теперь Москва открывает его как нежизнеспособную науку туманности.

Шалерий КИЧИН

Как улыбаются нам счастье

На открытии давали «Сильву». В партнере стояли кабаретные столбики, диалог пили там шампанское и флиртовал двухметровый Бони с лицом кот-Киркорова; иногда они заходили на сцену. Вообще все смешалось в интерпретации режиссера Бориса Лагоды и дирижера Владимира Янковского: канкан о женщинах, без которых «жить нельзя на свете, нет», пека Сильва в цилиндре и фрикке, ее страстно ожидаемая золовка Ирка «Хейля» эмигрировала в седьмую, и даже возник дует из соседней «Мариты». На сцене гар-

цевали красотки кабаре, состоящие из одних ног, и бушевала «комическая старуха» Соловей, которую здесь звали Мотыльком, — народная артистка Ираида Люкачева-Кунина. Эдакий — лауреат международных конкурсов Василий Овчаров — с сизолом бровей и трагизмом Ленского перед дуэлью пел красивым грудным баритоном «Поминьши ли ты?». И все взоры притягивала Сильва.

За Сильвой было интересно следить. Голос, элегитность и шарм были при ней, но она была и личностью. Прима коллектива Елена Соколова не зря получила Гран-при на конкурсе в Одессе — она из редких в оперетте актрис, у которых обаяние не нарисовано тушью, а свое. У этой Сильвы был

характер. И разумеется, только такую женщину мог выбрать из целого корабельства и полюбить глубокий человек Эдвин.

Публика млеет. Это был зал людей, соскучившихся по жанру: красивой музыке, красивой жизни и любимым штампам. В Московской оперетте на радость детворе грохочет «Метро», Калмыки стали в дефиците, его нужно везти из Новоуральска. В антракте ловили за рукава главного режиссера Владимира Бородину и пылко благодарили за нежданный подарок. Немногие почитавшие спектакль критики обсуждали новаторство в виде полубожественного Эдвина,ленью Сильвы и раскуженной постеры, неопровержимо свидетельствующих о том, что они пересели. У Калмыки до сих пор они только любили.

Коммунизм в отдельно взятой зоне

В Свердловске-44 Анны Новоуральска, меньше ста тысяч жителей, но есть кукулы и одеситы. У нее здание в стиле «сталинский ампи́р» и зал с хорошей акустикой. Выходит 5—6 премьер в

год, на первых спектаклях обычно аншлаги. Сознание свою ответственность за духовность города, театр работает филармонией, консерваторией, эстрадой и лекторием, играет «Петю и Волка» в детских садах, Чайковского в школах, «Страсти по Матфею» и «Служанку-госпожу» на стадионах. Выйдя перед открытием гастролей к публике, плавяж Бородин сказал, что это отчет театра по случаю его пятидесятилетия, — при том, что городу стукнуло только сорок восемь. Я вспомнил фильм Херцога «Фицджеральд», где герой строил оперу в джунглях, и едва дождался антракта:

— Это как же? Построили театр в стене глухой, а потом вокрут него город?

— Во-первых, в горах. Во-вторых, строился комбинат по выпуску обогащенного урана, вокруг него поселок, и по отдельному приказу Сталина — театр. В 51-м вышла первая премьера, а через два года атомный поселок стал атомным городом.

— А как удается заманить актеров? Они никакими закрытостей не любят.

— Когда вся страна голодала — у нас был коммунизм. Город был так денег и престижен, что в большой Свердловск не из Москвы, а от нас везли колбасу и обувь — целыми электричками. Артистам лавали хорошие квартиры — они рвались в этот театр. Сейчас ситуация изменилась, но классика «привилегированного города» осталась.

— Вы учились в Москве у Бориса Равенских — как чувствуете себя в закрытой местности?

— Хорошо. Мы не знаем, что такое отключение электричества, у нас нет проблем с горячей водой, чистыми подъездами и освещенными улицами, хорошими продуктами и транспортом. Въезд и выезд только по пропускам. Зарплата и все положенные надбавки — регулярно, день в день. Проще любить театр, городские власти нас поддерживают. И мы все знаем друг друга — как родня.

— Большим репертурным гастролем в Москве не наблюдалось с начала 90-х. Как вам удалось пробить окно в Европу?

Елену Соколову в театре носят на руках

— Была идея провести фестиваль музыкальных театров закрытых городов. По плану Союза театральные деятели России и нашего Министерства атомной промышленности театры из Свердловска, Железнодорожского и Новоуральска должны были показать за десять дней по три спектакля. Но один упал в финансовый кри-

зис, другой в кризис творческий. Вы же знаете, как это бывает: мэром любит театр — будет в городе театр, мэром не будет. А у нас дирекция рискованная: раз такое дело, мы заберем эти десять дней себе. Выполнили в первом квартале годового финансового плана, жили соуду в банке, аренду помещения

оплатили Минатом — и вот мы тут. Конечно, ощущаем себя камикадзе, но не жалуемся: зал полный. На «Баядера» был уже полный обвал. «Баядера» как древнегреческий раритет: ее поднимают со дна моря, очищают от водорослей и выпускают к публике. И та радостно смеется шуткам прадедушки.